

Мунира Вагина

НЕ ВСПОМИНАЙ МЕНЯ

18+

Мунира Вагина

Не вспоминай меня

<https://litres.ru/74492113>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Простите мы знакомы?

Камила смотрит на мужчину, которого семь лет пыталась забыть, и не верит своим ушам.

С Аликом у неё было всего девять дней на Адриатике. Девять дней без фамилий, обещаний и будущего. На девятое утро он исчез — без записки, звонка и объяснений. Камила искала его, ждала, злилась, а потом заставила себя жить дальше.

Теперь он снова перед ней. Успешный, спокойный, чужой. И делает вид, будто видит её впервые.

Камила готова отказаться от проекта и уйти, но слишком быстро появляются детали, которые невозможно объяснить. Алик помнит её кофе без сахара. Знает привычки, о которых она не рассказывала. А в стене старого особняка находится фотография Камилы, сделанная за день до его исчезновения.

Если он всё помнит — зачем лжёт?

И что, если семь лет назад он вовсе не бросил её?

Чем ближе Камила к ответу, тем страшнее становится правда: их разлучила не случайность. Кто-то, кому она доверяла, решил за неё, кого ей любить и с кем ей быть.

Содержание

Глава 1. Встреча	4
Глава 2. Девять дней	15
Глава 3. Отказ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Мунира Вагина

Не вспоминай меня

Глава 1. Встреча

Камила Ступка увидела дом ещё с дороги. Он стоял за старой каменной оградой, чуть в стороне от трассы, среди уже начинающих желтеть лип, и выглядел так, будто всё вокруг успело смениться несколько раз, а он остался. Высокие окна первого этажа были заколочены, на карнизе темнели потёки, часть штукатурки осыпалась до кирпича. Но даже в таком состоянии особняк не казался заброшенным. Он был скорее оскорблённым. Камила сбросила скорость и ещё раз посмотрела на адрес в телефоне.

Совпадало. Она припарковалась у кованых ворот и несколько секунд не выходила из машины. Обычно в такие моменты у неё начинал работать профессиональный азарт. Она мысленно уже снимала позднюю пристройку, возвращала оконным проёмам прежние пропорции, искала под слоями краски старые наличники. Для неё старые дома почти всегда были понятнее людей: если знать, куда смотреть, они честно показывали все свои трещины. Сегодня азарт почему-то запаздывал.

Наверное, из-за заказчика. Переговоры до этого вёл его

управляющий. Сухие письма, короткие звонки, никаких фамильярностей. Условия были слишком хорошими, чтобы не насторожиться: полный доступ к объекту, достойный бюджет, право Камилы самой подобрать реставраторов и дизайнеров. Заказчик хотел сохранить дом, а не превратить его в дорогую декорацию. Уже одно это заставило её приехать лично. Она взяла папку с предварительными материалами, вышла и захлопнула дверь.

Воздух пах мокрой листвой и камнем. Ночью шёл дождь, дорожка к дому блестела, будто её только что вымыли. За оградой было тихо. Камила нажала кнопку домофона. Никто не ответил. Она нажала ещё раз.

— Замечательно, — пробормотала она. — Начинаем с гостеприимства.

Калитка неожиданно щёлкнула сама. Камила толкнула её плечом и вошла. Чем ближе она подходила, тем сильнее дом менялся. С дороги он казался тяжёлым и мрачным, отсюда — почти красивым. На фронтоне уцелела лепнина. Под слоем грязи просматривались старые изразцы. В одном окне ещё оставалось дореволюционное стекло — неровное, чуть волнистое. Камила остановилась.

Вот ради таких вещей она и работала. Не ради дизайнерских журналов. Не ради фотографий «до» и «после». Ради минуты, когда видишь то, что остальные уже списали со счетов, и понимаешь: ещё можно вернуть. Она поднялась на крыльцо. Дверь была массивной, дубовой, с потемневшей

бронзовой ручкой. Камила уже протянула руку к звонку, когда дверь открылась.

Сначала она увидела белую рубашку. Потом руку, державшую створку. Потом лицо. Папка выскользнула у неё из пальцев. Листы веером рассыпались по мокрому камню. Мужчина замер в дверях. Семь лет. Семь лет она не видела этого лица — и узнала его раньше, чем успела вдохнуть.

Чуть больше седины на висках. Жёстче линия рта. Глубже складки у глаз. Тогда, на Адриатике, он чаще смеялся. Там он ходил в выгоревшей футболке, босиком, с закатанными брюками и уверял, что часы придумали люди, которые боятся жить. Сейчас на его запястье были часы. Дорогие. Очень дорогие.

Но глаза остались теми же. Тёмными, внимательными, слишком спокойными. Камила слышала, как где-то с крыши мерно падает вода. Одна капля. Вторая. Третья. Мужчина перевёл взгляд на рассыпавшиеся бумаги. Потом снова на неё.

— Вы Камила Ступка?

Голос тоже не изменился. У неё внутри что-то резко провалилось. Он не мог не узнать её. Не мог. Камила медленно наклонилась за бумагами, потому что если бы продолжила смотреть на него, то сказала бы что-нибудь, о чём пожалела бы через минуту. Мужчина тоже сделал движение вперёд.

— Не надо.

Она произнесла это слишком резко. Он остановился. Ка-

мила подняла один лист. Второй. На третьем остался тёмный след от мокрого камня. Руки не дрожали. По крайней мере, ей хотелось в это верить.

— Камила? — повторил он.

Она выпрямилась.

— Алик.

Мужчина едва заметно нахмурился. Не вздрогнул. Не отвёл глаза. Не побледнел. Просто нахмурился, будто пытался понять, почему незнакомая женщина обращается к нему слишком коротко.

— Простите?

Камила смотрела ему прямо в лицо. В памяти вспыхнуло море. Белая стена маленького отеля. Его ладонь у неё на затылке. Солнце на его плечах. Смех в тёмном переулке.

«Девять дней, Камила. Давай ничего друг другу не обещать».

Она стиснула папку.

— Ты прекрасно слышал.

Пауза стала длиннее. Мужчина чуть отступил, освобождая проход.

— Думаю, произошло недоразумение.

— Конечно.

— Мы раньше встречались?

Вот теперь Камила всё-таки почувствовала дрожь. Не в руках — где-то глубже, под рёбрами. Он произнёс это без издевки. Без улыбки. Почти вежливо. И именно поэтому стало

хуже. Камила коротко рассмеялась.

— Нет.

Мужчина посмотрел на неё внимательнее.

— Нет?

— Мы не встречались. Мы девять дней жили в соседних номерах, завтракали за одним столом, купались ночью и однажды заблудились в Сплите. Но если вам удобнее считать, что мы не встречались, — пожалуйста.

В его лице что-то изменилось. Так мало, что другой человек не заметил бы. Камила заметила. Она слишком долго когда-то изучала это лицо. Он помнил.

— Заходите, — сказал он.

— Уже не уверена, что хочу.

— Вы приехали осматривать дом.

— Я приехала к заказчику.

— Заказчик перед вами.

Камила посмотрела на него сверху вниз, хотя он был выше её почти на голову.

— Вот это и есть проблема.

Она развернулась.

— Камила.

Первый раз он произнёс её имя не вопросительно. Она остановилась. Всего на секунду. Потом всё-таки обернулась. Мужчина стоял в дверях, одной рукой придерживая створку. На безымянном пальце кольца не было. Глупость. Самая первая вещь, которую она заметила после лица, — отсут-

ствие кольца.

И самой себе от этого стало противно.

— Проект уже согласован с вашим агентством, — сказал он. — Если вы хотите отказаться, это ваше право. Но сначала хотя бы посмотрите дом.

— Зачем?

— Потому что вы профессионал.

— А вы, значит, нет?

— В чём?

Камила шагнула обратно к крыльцу.

— В притворстве.

На этот раз он замолчал. Она подошла ближе. Теперь между ними оставалось меньше метра. Слишком близко. Камила чувствовала запах его одеколона. Другой. Тогда от него пахло морем, мылом и чем-то цитрусовым. Но кожа, тепло, даже то, как он держал голову, — всё было знакомым до унижения.

— Вы ошибаетесь, — сказал он.

Камила медленно кивнула.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Будем считать, что я ошиблась.

Он смотрел на неё так, будто ждал продолжения. Она указала подбородком на дом.

— Показывайте.

Внутри оказалось холоднее, чем снаружи. Высокий вести-

бюль встретил их запахом сырого дерева, извести и старой пыли. Под ногами сохранилась метлахская плитка. На стенах проступали прямоугольники от когда-то висевших картин. Лестница уходила на второй этаж широким тёмным маршем. Камила заставила себя переключиться. Дом.

Только дом.

— Когда построен?

— В тысяча девятьсот третьем.

— Архитектор?

— Точно не установлен. Есть предположение, что проект делал ученик Шехтеля.

Она подняла глаза на лепнину.

— Не Шехтель.

— Я и не говорил, что Шехтель.

— Я сказала: не его ученик.

Мужчина чуть усмехнулся. Вот эта усмешка. Ей захотелось ударить его папкой.

— Почему?

— Слишком тяжёлая симметрия. И лестница не та. Позже кто-то пытался добавить модерн, но изначально дом другой.

— Это вы увидели за минуту?

— За тридцать секунд.

Он снова усмехнулся.

— Вы не изменились.

Камила повернулась к нему. Тишина. Он понял. Она тоже. По лицу Алика впервые за всё время прошла настоящая

эмоция — быстрая, почти злая. Камила не отвела глаз.

— Что вы сказали?

— Я сказал, что вы уверены в своих выводах.

— Нет.

Он молчал.

— Вы сказали: «Вы не изменились».

— Оборот речи.

— Удобный.

Она отвернулась и пошла дальше. Сердце билось слишком быстро. Он помнит. Конечно, помнит. Теперь вопрос был только один. Зачем он врёт? Они прошли библиотеку, столовую, бывшую гостиную. Камила фотографировала трещины, отмечала просадки, задавала короткие вопросы. Алик отвечал так же коротко. Иногда она ловила его взгляд и каждый раз замечала, что он отводит его чуть позже, чем следовало бы незнакомому человеку.

На втором этаже половицы скрипели.

— Здесь осторожнее, — сказал он.

— Я вижу.

— Третья доска от стены проваливается.

Камила поставила ногу в сторону. И замерла. Семь лет назад в маленьком хорватском отеле он точно так же сказал ей: «Третья ступенька снизу сломана. Не наступай».

Она тогда рассмеялась:

«Ты всегда всё замечаешь?»

Он ответил:

«Только то, что может причинить тебе боль».

Камила закрыла глаза на секунду.

— Всё в порядке? — спросил Алик.

— Прекрасно.

Она двинулась дальше. Последняя комната выходила окнами в сад. Здесь сохранились старые ставни, часть паркета и белая кафельная печь с треснувшим изразцом. Камила подошла к окну. Снаружи мокрые липы тянулись к ограде. За ними серела дорога.

— Я возьмусь, — сказала она.

— Вы уверены?

Она повернулась.

— В доме — да.

Он понял второй смысл.

— Хорошо.

— Но работать я буду на своих условиях.

— Они уже прописаны в договоре.

— Появилось новое.

Алик ждал. Камила подошла к нему.

— Не играйте со мной.

— Я не играю.

— Тогда тем более.

Он слегка прищурился. В этот момент он снова стал похож на того мужчину с Адриатики — не внешне, а каким-то внутренним движением. Так он смотрел, когда не хотел отвечать. Камила вдруг почувствовала не боль. Злость. И это бы-

ло почти облегчением. Семь лет она представляла их встречу иначе.

Иногда он просил прощения. Иногда она проходила мимо. Иногда он признавался, что всё это время искал её. Ни разу в её воображении он не смотрел на неё как на незнакомую. Алик первым нарушил тишину:

— Завтра мой управляющий пришлёт вам полный архив по дому.

— Не нужно.

— Почему?

— Я приеду сама.

— Когда?

— В девять.

— Я буду здесь.

Камила кивнула и пошла к лестнице. У входной двери Алик догнал её.

— Камила.

Она взялась за ручку.

— Что?

Он несколько секунд смотрел ей в лицо. Будто выбирал между двумя фразами. В конце концов выбрал безопасную.

— Рад, что вы согласились на проект.

Камила открыла дверь. На крыльце пахло дождём. Она сделала шаг наружу, потом остановилась и обернулась.

— Алик.

— Да?

Теперь она позволила себе улыбнуться. Очень спокойно.
— Семь лет назад ты тоже говорил, что не любишь прощаться.

Его лицо наконец изменилось. Совсем немного. Но этого хватило. Камила достала из сумки ключи от машины.

— До завтра.

Она спустилась по ступеням, не ускоряя шага. Только у калитки слышала за спиной:

— Камила.

На этот раз не остановилась. Села в машину, положила папку на соседнее сиденье и только тогда заметила, что всё это время сжимала ключи так сильно, что их зубцы оставили красные следы на ладони. Она завела двигатель. На экране телефона вспыхнуло новое письмо.

От заказчика. Отправитель: «А. Берестов». Камила открыла сообщение. Всего одна строка:

«Завтра в девять. Алик Берестов».

Она перечитала дважды. Потом медленно подняла глаза на дом. Он всё ещё стоял в открытой двери. Смотрел вслед. Камила нажала кнопку блокировки экрана.

— Вот теперь, — тихо сказала она, — хотя бы фамилию знаю.

Глава 2. Девять дней

Семь лет назад Камила ещё не умела уезжать одна. До той поездки ей всегда казалось, что одиночество в чужом городе будет выглядеть жалко. Что официанты будут замечать пустой стул напротив, что семьи за соседними столиками станут смотреть с сочувствием, а вечер без разговора обязательно превратится в длинное доказательство собственной ненужности. Потом закончился её брак. И выяснилось, что самое тяжёлое одиночество бывает не тогда, когда рядом никого нет, а когда рядом годами находится человек, с которым уже не о чем говорить.

К морю она приехала через два месяца после развода. Не за новой жизнью. Не за мужчиной. Даже не за отдыхом. Просто потому, что однажды утром открыла карту, ткнула пальцем в побережье Адриатики и купила билет раньше, чем успела передумать. Город встретил её жарой, белыми стенами и резким запахом нагретого камня. От маленького отеля до воды было минуты три пешком. Из окна номера виднелась узкая полоска моря между двумя крышами, и в первый же вечер Камила решила, что этого достаточно.

Она распаковала чемодан, надела простое светлое платье и спустилась вниз. На террасе гостиницы стояло всего четыре столика. Три были заняты. За четвёртым сидел мужчина. Камила сначала решила пройти мимо. Но хозяин отеля,

невысокий седой хорват, развёл руками и показал на свободный стул напротив незнакомца.

— Только здесь.

Камила уже собиралась сказать, что поужинает в городе, когда мужчина поднял глаза.

— Я не кусаюсь.

Говорил он по-русски. Это почему-то её рассердило.

— Какая удача.

Он улыбнулся. Не широко. Только одним уголком рта.

— Вы тоже из России?

— Нет. Я из Португалии.

Мужчина посмотрел на неё, потом на меню в её руках.

— Тогда у вас очень хороший русский.

Камила села.

— Спасибо.

Он снова опустил глаза к тарелке. Никакого знакомства не последовало. И это было неожиданно приятно. Камила заказала рыбу и бокал белого вина. Несколько минут они сидели молча. Со стороны набережной доносилась музыка, кто-то смеялся, мимо террасы прошла пара с собакой.

Мужчина ел медленно. Лет сорок, решила Камила. Может, чуть больше. Загорелый. Тёмные волосы. Небритость, которая выглядела не модной, а естественной. Белая футболка, часы отсутствуют, телефон лежит экраном вниз. Камила машинально отметила всё это и тут же разозлилась на себя.

Она приехала не для того, чтобы разглядывать мужчин.

Особенно женатых. На безымянном пальце кольца не было. Ещё хуже.

— Вы всегда так внимательно изучаете людей, с которыми не собираетесь знакомиться?

Камила подняла глаза. Он смотрел на неё.

— Я вас не изучаю.

— Тогда мне повезло.

— Почему?

— Не люблю экзамены.

Она отпила вина.

— А я не люблю самоуверенность.

— Уже два совпадения.

— Какие?

— Мы оба чего-то не любим.

Камила невольно улыбнулась. Мужчина заметил. Но не стал пользоваться маленькой победой. Это ей понравилось больше самой шутки.

— Алик, — сказал он через минуту.

Камила посмотрела на протянутую руку.

— Это всё?

— Пока да.

— Фамилия секретная?

— А ваша?

Она пожала ему руку.

— Камила.

— Это всё?

— Пока да.

Он рассмеялся. Так они и познакомились. Без фамилий. Позже Камила не раз пыталась понять, почему согласилась на эту странную игру. Наверное, потому, что в Москве от неё два месяца подряд требовали объяснений. Родители хотели знать, почему распался брак. Подруги — кто виноват. Бывший муж — неужели всё действительно кончено. Коллеги спрашивали осторожно, но тоже спрашивали.

А здесь никто ничего не требовал. Алик первым закончил ужин.

— Завтра вы уезжаете?

— Нет.

— Жаль.

Камила приподняла брови.

— Почему?

— Придётся снова сидеть за одним столом.

— Можете ужинать позже.

— Могу.

Он поднялся.

— Но не буду.

— Самоуверенность, — напомнила она.

— Помню.

Он ушёл. Камила смотрела ему вслед ровно две секунды. Потом демонстративно отвернулась к морю, хотя наблюдать за этим было уже некому. На следующее утро он сидел за тем же столиком. Перед ним стоял кофе. Камила увидела его

ещё с лестницы. Алик поднял руку.

— Португалия.

Она остановилась.

— Что?

— Я решил называть вас Португалией, раз вы отказываетесь признаваться, откуда приехали.

Камила села напротив.

— Тогда я буду называть вас Невоспитанностью.

— Длинно.

— Вам идёт.

Он подвинул к ней маленькую чашку.

— Без сахара.

Камила посмотрела на кофе.

— Я не просила.

— Вчера вы тоже пили без сахара.

— Вы следили?

— Я наблюдательный.

— Это другое слово для «следил»?

— Иногда.

Она взяла чашку. Кофе оказался именно таким, как она любила. Слишком крепким.

— Спасибо.

— Не за что.

— И не привыкайте.

— К чему?

— Угадывать, что мне нужно.

Алик посмотрел на неё чуть дольше обычного.

— Хорошо.

Тогда она ещё не знала, насколько плохо он выполнит это обещание. После завтрака Камила пошла к морю. Пляж был каменистым, вода почти прозрачной. Она оставила сандалии возле полотенца и вошла по щиколотку, потом по колено.

— Холодная.

Она обернулась. Алик стоял метрах в пяти.

— Вы теперь везде?

— Это общественный пляж.

— В городе десятков пляжей.

— Значит, судьба.

— Не произносите таких слов утром.

— Почему?

— До кофе они звучат особенно глупо.

Он прошёл мимо неё в воду. Не пригласил. Не обернулся. Просто поплыл. Камила осталась у берега. Ей захотелось уйти. Вместо этого она шагнула глубже. Догнала его минут через пять.

— Я думал, вы не плаваете.

— Почему?

— Стояли у берега, как человек, который хочет доказать воде, что она ему не нужна.

Камила фыркнула.

— У вас на всё есть объяснение?

— Нет. Только на то, что интересно.

Он перевернулся на спину. Камила посмотрела на линию горизонта.

— И я вам интересна?

— Пока да.

— Как лестно.

— Я честный человек.

Она повернула голову.

— Честные люди обычно не говорят об этом первыми.

Алик снова улыбнулся.

— Тогда запишите мне первый минус.

— Уже второй.

— Какой первый?

— Самоуверенность.

— А. Это не минус.

— Конечно.

Они доплыли до буйков и обратно. Потом сидели на нагретых камнях. Алик рассказал, что приехал один. Камила не спросила откуда. Он не спросил её. К обеду они договорились о первом правиле. Не говорить о работе.

— Почему? — спросила Камила.

— Потому что люди слишком любят представляться профессией.

— А если у человека интересная работа?

— Тогда он начнёт ею хвастаться.

— А если скучная?

— Тогда оправдываться.

— А вы кем работаете?

Алик посмотрел на неё.

— Вот видите.

Она рассмеялась. Второе правило появилось вечером. Они забрели в маленький ресторан на узкой улице, где столики стояли почти на мостовой. Камила заказала морепродукты, Алик — мясо.

— Вы были женаты? — спросил он неожиданно.

Камила замерла с вилкой в руке. Он сразу понял.

— Не отвечайте.

— Была.

Слово прозвучало тяжелее, чем она ожидала. Алик не стал спрашивать дальше. И это снова понравилось.

— Теперь моя очередь, — сказала она.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я первый нарушил границу.

— Тогда исправляйте.

Он покачал головой.

— Давайте вообще не будем говорить о прошлом.

— Совсем?

— Совсем.

Камила посмотрела на него.

— Даже имена бывших?

— Особенно имена бывших.

— Детство?

— Нет.

— Родители?

— Нет.

— Травмы?

— Господи, нет.

Она рассмеялась.

— Тогда о чём будем разговаривать?

— О том, что происходит сейчас.

Камила наклонилась к нему.

— А если сейчас ничего не происходит?

Алик посмотрел ей прямо в глаза.

— Тогда придумаем.

Так появилось второе правило. Без прошлого. Третье возникло на третий день. Они поехали в Сплит на автобусе, хотя Алик предлагал взять машину. Камила отказалась.

— Почему?

— Не хочу зависеть от человека, которого знаю двое суток.

— Разумно.

— Вы удивлены?

— Немного.

— Почему?

— Вчера ночью вы пошли со мной купаться.

— Это другое.

— Чем?

— Если бы вы оказались маньяком, у меня был шанс уто-

пить вас.

Алик рассмеялся так громко, что на них обернулась пожилая женщина на соседнем сиденье. В Сплите было жарко. Они долго бродили по старому центру, спорили, куда идти, и в итоге действительно заблудились. Алик утверждал, что знает дорогу. Через двадцать минут они снова оказались возле той же лавки с лавандой.

Камила остановилась.

— Мы здесь уже были.

— Нет.

— Были.

— Уверены?

— Абсолютно.

— Тогда город ходит за нами.

— Или один мужчина не умеет читать карту.

Алик посмотрел на телефон.

— Связи нет.

— Какая трагедия.

— Вы могли бы помочь.

— Могла бы.

— И?

— Мне интересно, сколько ещё кругов вы сделаете.

Он посмотрел на неё с таким выражением, что Камила не выдержала и рассмеялась. Позже они нашли маленькое кафе во дворе между старыми стенами. Там Алик впервые спросил:

— Сколько дней вы здесь?

— Ещё шесть.

— Я тоже.

— Совпадение?

— Не начинайте.

— Хорошо.

Он помолчал.

— Тогда третье правило.

— Какое?

— На девятый день расходимся.

Камила перестала улыбаться.

— Без обмена телефонами?

— Без обещаний.

— Это разные вещи.

— Тогда без обещаний.

Она посмотрела на его лицо. Легко было бы спросить за-чем. Почему мужчина заранее устанавливает конец там, где ещё ничего не началось. Но второе правило запрещало прошлое. А настоящее пока было слишком приятным.

— Хорошо, — сказала она.

— Хорошо?

— Девять дней.

Он протянул руку через стол. Камила пожала.

— Девять дней.

На четвёртый день они почти не виделись. Камила уехала на экскурсию в соседний город. Вернулась вечером. Алик

сидел на ступенях у входа в отель.

— Ждали?

— Нет.

— Очень похоже.

— Я курил.

Камила посмотрела на его пустые руки.

— Без сигареты?

— Бросаю.

Она прошла мимо. Алик поднялся и пошёл следом.

— Хорошо съездили?

— Прекрасно.

— С кем?

— Это ревность?

— Нет.

— Очень похоже.

Теперь уже она пошла дальше. Алик рассмеялся у неё за спиной. На пятый день он поцеловал её. Без красивой сцены. Без заката. Без музыки. Они спорили из-за какой-то ерунды возле автомата с водой. Камила сказала, что он невыносим. Алик ответил:

— Вы тоже.

— Тогда зачем вы всё время рядом?

— Хотел понять.

— Что?

Он посмотрел на неё. И поцеловал. Секунды три. Не больше. Потом отступил. Камила ошеломлённо смотрела на него.

— Это что было?

— Проверка.

— Чего?

— Теперь понял.

— Что?

Алик улыбнулся.

— Что вы ещё более невыносимая, чем казалось.

Камила ударила его бутылкой по плечу. Он снова её поцеловал. На этот раз дольше. Пятый день они потом почти не обсуждали. На шестой Камила впервые подумала, что всё становится опасным. Она проснулась рано и увидела его внизу через окно. Алик стоял возле входа в отель и с кем-то говорил по телефону.

Ничего особенного. Но выражение его лица было другим. Холодным. Жёстким. Он почти не двигался и слушал дольше, чем говорил. Потом произнёс несколько слов, которых Камила не расслышала, и резко завершил звонок. Через минуту поднял голову. Увидел её в окне.

Камила отступила. За завтраком он был прежним.

— Сегодня лодка?

— Какая лодка?

— Вчера вы хотели на остров.

— Я хотела.

— Передумали?

— Возможно.

— Что случилось?

— Ничего.

— Вы плохо врёте.

— А вы хорошо?

Он замер. Всего на миг. Потом откинулся на спинку стула.

— Это вопрос?

— Просто любопытство.

— Второе правило.

— Без прошлого.

— Именно.

Камила покрутила чашку.

— Удобное правило.

— Для нас обоих.

Она хотела спросить, кто звонил. Не спросила. Они поехали на остров. На седьмой день начался дождь. Сильный, тёплый. Город опустел, туристы спрятались по кафе. Алик и Камила шли вдоль набережной под одним зонтом, который почти не помогал.

— Надо было остаться в отеле, — сказала Камила.

— И что делать?

— Читать.

— Ужас.

— Вы не читаете?

— Читайте.

— Что?

— Нарушаете первое правило.

— Работа и книги — разные вещи.

— Для некоторых нет.

— Вы издатель?

— Нет.

— Писатель?

— Слава богу.

— Тогда кто?

Алик остановился. Камила тоже. Дождь стекал с края зон-
та. Он вдруг провёл пальцем по мокрой пряди возле её виска.

— Девятый день.

— Что?

— На девятый день расскажу.

— Что именно?

— Всё.

— Как драматично.

— Я серьёзно.

Камила перестала улыбаться. В его голосе действительно
не было игры.

— А почему не сейчас?

— Потому что сейчас у нас ещё есть два дня.

— И?

— Я хочу, чтобы они остались нашими.

Тогда эта фраза показалась ей красивой. Позже она нена-
видела её больше всех. На восьмой день они почти не рас-
ставались. Утром плавали. Днём уехали в соседнюю бухту.
Вечером ели персики прямо из бумажного пакета, сидя на
каменной стене над водой. Алик рассказывал смешную ис-

торию, но не закончил.

Камила вдруг спросила:

— Ты боишься завтра?

Он посмотрел на неё. К этому дню они уже перешли на «ты». Когда именно — никто не заметил.

— Да.

— Почему?

— Потому что после правды всё становится сложнее.

— Иногда проще.

— Не в моём случае.

Она хотела спросить. Опять не спросила. В тот вечер они долго сидели на пляже. Море было почти чёрным. Камила положила голову ему на плечо.

— У меня ощущение, что я тебя знаю давно.

— Плохой признак.

— Почему?

— Значит, скоро начну раздражать.

— Уже.

— Тогда всё нормально.

Она улыбнулась. Через некоторое время Алик сказал:

— Если завтра ты захочешь уйти, я пойму.

Камила подняла голову.

— После чего?

— После того, что расскажу.

— Ты женат?

Вопрос вырвался неожиданно даже для неё. Алик не от-

ветил сразу. Камила почувствовала, как всё внутри напряглось. Потом он сказал:

— Завтра.

Она отстранилась.

— Это не ответ.

— Знаю.

— Алик.

— Завтра, Камила.

Она встала.

— Тогда сегодня я пойду одна.

Он не удерживал. Только сказал:

— Хорошо.

Камила ушла в отель. Минут через двадцать раздался стук в дверь. Она знала, кто там. Не открыла. Ещё через минуту Алик сказал из коридора:

— Завтра утром. Обещаю.

Камила стояла у двери, прижав ладонь к ручке.

— Спокойной ночи, — добавил он.

Шаги удалились. Утром она проснулась в семь. Сначала лежала и смотрела в потолок. Потом вспомнила. Девятый день. Правда. Она быстро оделась и спустилась вниз. Его не было на террасе. Камила заказала кофе. Подождала десять минут. Потом ещё десять. Пошла к стойке.

— Алик? — спросила она хозяина.

Тот нахмурился.

— Русский?

— Да.

Хозяин кивнул.

— Уехал.

Камила не сразу поняла слово.

— Куда?

— Не знаю. Очень рано.

— Когда вернётся?

Мужчина пожал плечами.

— Он освободил номер.

Камила стояла перед стойкой. На улице звонили велосипедные колокольчики. Кто-то тащил чемодан по каменной мостовой. Из кухни пахло кофе и хлебом. Всё вокруг продолжало происходить так, будто ничего не случилось.

— Он что-нибудь оставил?

Хозяин снова покачал головой.

— Нет.

Камила поднялась на второй этаж. Дверь его номера была открыта. Уборщица меняла постель. Камила остановилась в коридоре. Комната была пустой. Совсем. Ни рубашки на стуле. Ни книги на тумбочке. Ни зарядки возле кровати. Человек, который восемь дней занимал собой всё пространство вокруг неё, исчез так аккуратно, будто никогда здесь не жил.

Камила вернулась в свой номер. Села на край кровати. На столе лежал бумажный пакет с двумя персиками, которые они вчера не доели. Она долго смотрела на него. Потом взяла телефон. И только тогда поняла главное. Она не знала но-

мера Алика. Не знала фамилии.

Не знала, где он живёт. Не знала, кем работает. Не знала даже, действительно ли его зовут Алик. Девять дней без прошлого. И одно утро без будущего. Камила закрыла глаза. Тогда она ещё не знала, что через семь лет мужчина с тем же голосом откроет перед ней дверь старого особняка и спросит:

«Мы раньше встречались?»

Но уже в то утро она впервые поняла, насколько страшным может быть человек, о котором ты знаешь только то, что успел полюбить.

Глава 3. Отказ

Утром Камила проснулась раньше будильника. Несколько секунд она лежала, не открывая глаз, и пыталась понять, что именно разбудило её: дождь за окном, редкий шум машин во дворе или вчерашняя встреча, которая за ночь не стала ни менее нелепой, ни менее болезненной. Потом память вернула всё сразу. Старинный дом.

Дубовая дверь. Алик. Его спокойное: «Мы раньше встречались?» Камила открыла глаза.

— Нет, — сказала она потолку. — Даже не думай.

Телефон лежал на тумбочке. На экране светилось письмо от А. Берестова, то самое, которое она вчера прочитала уже дома ещё трижды, будто между словами могла обнаружиться вторая версия смысла.

«Завтра в девять. Алик Берестов».

Ни извинений. Ни объяснений. Ни одной лишней буквы. Она перевернула телефон экраном вниз и пошла на кухню. Кофе получился слишком крепким. Камила выпила половину, поставила чашку в раковину и открыла ноутбук. Первое письмо написала быстро.

«Уважаемый господин Берестов...»

Стерла. Слишком официально.

«Алик...»

Снова стерла. Слишком лично. Она откинулась на спинку

стула и несколько секунд смотрела на чистый экран. Вчера она согласилась на проект. Сегодня это казалось ошибкой. Не потому, что не могла работать рядом с ним. Могла. За годы Камила научилась разговаривать с заказчиками, которых не выносила, улыбаться людям, после которых хотелось вымыть руки, и защищать собственные решения перед теми, кто считал деньги достаточным основанием для плохого вкуса.

Алик был не проблемой профессионального характера. В этом и была проблема. Она набрала новый текст.

«После повторной оценки обстоятельств вынуждена отказаться от проекта. Моё агентство вернёт аванс в полном объёме. Приношу извинения за неудобства».

Камила перечитала. И нажала «Отправить». Стало легче. Ровно на полторы минуты. Потом позвонила Ника.

— Ты жива?

— Доброе утро.

— Значит, жива. Уже хорошо. Теперь рассказывай.

Камила закрыла ноутбук.

— Что?

— Не беси меня. Вчера ты прислала сообщение: «Я встретила его». И исчезла.

— Я не исчезла.

— Для человека, который обычно отвечает через тридцать секунд, пять часов — исчезновение.

Камила прошла к окну. Внизу курьер на велосипеде ру-

гался с водителем фургона.

— Это был он, — сказала она.

На другом конце повисла тишина. Ника редко молчала. Поэтому её молчание всегда означало больше, чем чужая длинная речь.

— Тот самый? — наконец спросила она.

— Тот самый.

— Алик?

— Алик Берестов.

— Ого.

— Очень содержательно.

— Я перевариваю. Подожди. Берестов... Это не тот Берестов?

Камила нахмурилась.

— Какой «тот»?

— Девелопмент, инвестиции, старые особняки, винодельня где-то на юге... Не знаю. Я видела его фамилию. Кажется, большой человек.

— Поздравляю. Семь лет назад я спала с большим человеком и даже не знала фамилии.

— Камила.

— Что?

— Ты сейчас шутишь, значит, всё хуже, чем звучит.

Камила оперлась лбом о прохладное стекло.

— Он сделал вид, что не знает меня.

— Совсем?

— Совсем.

— Может, не узнал?

— Узнал.

— Откуда уверенность?

— Потому что потом сказал: «Вы не изменились».

Ника тихо присвистнула.

— Красиво прокололся.

— Красиво было бы, если бы я не хотела бросить в него вазу.

— И что ты сделала?

— Согласилась на проект.

— Конечно.

— А сегодня отказалась.

— Конечно.

Камила повернулась от окна.

— Почему ты говоришь «конечно» одинаково и на две противоположные вещи?

— Потому что обе на тебя похожи. Вчера осталась из упрямства, сегодня убежала из страха.

— Я не боюсь.

— Да.

— Ника.

— Хорошо. Тогда зачем отказалась?

Камила не ответила сразу.

— Не хочу превращать работу в психотерапию.

— Вот это уже похоже на нормальный ответ.

— Спасибо.

— Но всё равно врёшь.

— До свидания.

— Подожди. Он что-нибудь объяснил?

— Нет.

— А ты спросила?

— Да.

— И?

— Соврал.

— Тогда два варианта.

Камила закатила глаза.

— Началось.

— Или он негодяй, или история гораздо хуже.

— Есть ещё третий.

— Какой?

— Мне всё равно.

Ника рассмеялась.

— Вот его я бы сразу вычеркнула.

Камила сбросила звонок раньше, чем подруга успела добавить что-нибудь ещё. Почти сразу пришло новое письмо. Она подумала, что это подтверждение от бухгалтерии. Но отправителем снова был А. Берестов.

«Отказ получил. Аванс возвращать не нужно. Расходы на предварительную оценку считаю закрытыми. Спасибо за вчерашний осмотр».

И всё. Камила перечитала. Ни попытки удержать. Ни во-

проса. Ни даже формального «жаль». Она почувствовала раздражение и тут же разозлилась ещё сильнее — уже на себя. Что она ожидала? Что он начнёт уговаривать? Что позволит и скажет: «Камила, останься, мне нужно всё объяснить»?

Семь лет назад он уже показал, как умеет уходить без объяснений. Почему сейчас должно быть иначе? Она закрыла почту. В десять у Камилы была встреча на другом объекте. Небольшая квартира в доходном доме конца девятнадцатого века. Хозяева хотели «сделать всё светлым, современным и убрать старую печь».

— Она занимает половину стены, — объяснял заказчик, мужчина лет пятидесяти с дорогими очками и голосом человека, привыкшего получать согласие. — Нам бы туда телевизор.

Камила смотрела на бело-синюю изразцовую печь.

— Нет.

— Что — нет?

— Печь не убираем.

— Почему?

— Потому что телевизор можно повесить на любую другую стену, а эту печь вам больше никто не сделает.

— Мы платим за ремонт.

— А я отвечаю за то, чтобы после него квартира не стала хуже.

Мужчина недовольно поджал губы. Обычно такие споры заводили Камилу. Сегодня она говорила автоматически.

Мысли всё время возвращались к вчерашнему дому. К потрескавшемуся фронтому. К старой плитке в вестибюле. К печи на втором этаже. К странной тяжёлой симметрии, которую хотелось разгадать.

И, против воли, к человеку, стоявшему возле окна.

«Вы не изменились».

После встречи Камила села в машину и некоторое время не заводила двигатель. На пассажирском сиденье лежала папка с фотографиями вчерашнего особняка. Она взяла её с собой случайно. По крайней мере, именно так сказала себе утром. Камила открыла папку.

Фасад. Лестница. Фрагмент лепнины. Печь. Потолочная розетка. На одном снимке в глубине коридора случайно попал Алик. Смазанный силуэт. Камила перевернула фотографию экраном вниз. Потом вернула обратно.

— Прекрати, — сказала она.

Телефон зазвонил. На экране высветилось имя Льва Сафонова, архитектора, с которым она работала уже несколько лет.

— Да?

— Ты где?

— В машине.

— Прекрасно. Значит, сидишь. Я посмотрел вчерашние фото.

Камила напряглась.

— И?

— Если это действительно тот дом, о котором я думаю, ты нашла клад.

— Не я нашла. Меня наняли.

— Какая разница? Ты видела северный фасад?

— Видела.

— Там под штукатуркой может быть первоначальная кирпичная кладка с майоликой. И лестница. Ты прислала только кусок, но если она родная...

— Лев.

— Что?

— Я отказалась от проекта.

Молчание.

— Зачем?

— Не сошлись с заказчиком.

— Вздор.

— Почему сразу вздор?

— Потому что если бы заказчик оказался идиотом, ты бы мне уже двадцать минут рассказывала, какой именно он идиот. А сейчас ты сказала четыре слова.

Камила прикрыла глаза.

— Лев, забудь.

— Нет. Я два года не видел объекта такого уровня. Ты понимаешь, что там можно открыть?

— Понимаю.

— Тогда вернись.

— Не могу.

— Не хочешь — другое дело.

— Хорошо. Не хочу.

— Из-за человека?

Камила резко выпрямилась.

— С чего ты взял?

— Потому что дом ни при чём.

Она посмотрела на фотографию фасада. И именно в этот момент поняла, что Лев прав. Дом действительно был ни при чём. Она наказывала его за то, что его хозяином оказался Алик. Абсурд. Особенно для человека, который всю жизнь повторял клиентам: нельзя уничтожать хорошее только потому, что рядом с ним оказалось плохое.

— Я перезвоню, — сказала Камила.

— Это значит, что вернёшься?

— Это значит, что я перезвоню.

Она отключилась. До следующей встречи оставалось сорок минут. Камила открыла почту. Письмо Берестова всё ещё было сверху. Она начала отвечать.

«Я изменила решение».

Стерла. Слишком просто.

«Отказ от проекта был преждевременным».

Ещё хуже. Камила закрыла глаза, вдохнула и написала так, как написала бы любому другому заказчику.

«Готова продолжить работу при одном условии: все вопросы по проекту обсуждаются в профессиональном формате. Личные обстоятельства не влияют на решения и не ис-

пользуются в переговорах. Если вас это устраивает, завтра в девять я буду на объекте».

Она прочла. Чётко. Холодно. Правильно. Нажала «Отправить». Ответ пришёл через минуту.

«Устраивает».

Одно слово. Камила усмехнулась.

— Ну конечно.

На следующий день она приехала в восемь пятьдесят пять. Специально не раньше. И не позже. У ворот стояла незнакомая машина. Чёрная, дорогая, без показной роскоши. Камила припарковалась рядом и достала из багажника рулетку, планшет, лазерный дальномер и каску.

Сегодня она была в брюках, плотной рубашке и ботинках без каблука. Рабочая одежда. Броня. Калитка была открыта. Алик ждал на крыльце. Не в белой рубашке, как вчера, а в тёмном свитере с закатанными рукавами. Камила почти физически почувствовала, как память пытается сопоставить два изображения: мужчина сейчас и мужчина семь лет назад, босиком на камнях.

Она пресекла это сразу.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Архив?

Он протянул ей большую папку.

— Всё, что нашли прежние владельцы. Планы, фотографии, переписка с охраной памятников.

Камила взяла папку.

— Спасибо.

Алик посмотрел на оборудование в её руках.

— Значит, окончательно решили остаться?

— Я решила работать.

— Разница есть?

— Огромная.

Он кивнул.

— Понял.

— Хорошо.

Она прошла мимо него в дом. На этот раз он не пытался пропустить её вперёд слишком вежливо и не изображал незнакомца. Это уже было прогрессом. В вестибюле Камила раскрыла старый план.

— Здесь не сходится.

Алик подошёл ближе.

— Что именно?

Она указала на бумагу.

— Западная стена. На плане толщина почти метр, а внутри визуально меньше. Либо ошиблись при обмере, либо там пустота.

— Тайная комната?

— Не улыбайтесь. В старых домах это бывает чаще, чем кажется.

— Я не улыбаюсь.

— У вас угол рта поднялся.

— Наблюдательная.

Камила подняла взгляд. Он уже смотрел на неё. Слишком знакомо. Она первой отвела глаза.

— Лазер подержите.

— Я?

— Вы же владелец дома. Внесите вклад.

Алик взял прибор.

— Командовать вы тоже не разучились.

Камила медленно повернулась. Он замер. Снова. Второй прокол за два дня. Она протянула руку.

— Дайте.

— Камила...

— Нет.

— Я хотел сказать...

— Я знаю, что вы хотели сказать.

Она забрала дальномер.

— И знаю, что вы сейчас скажете потом. «Оборот речи». Или «показалось». Или ещё что-нибудь удобное.

Алик молчал.

— Поэтому договоримся проще, — продолжила она. — Хотите делать вид, что мы не знакомы, — делайте. Только делайте хорошо. У меня плохая переносимость небрежной лжи.

Он смотрел на неё без улыбки.

— Вы всегда такая жестокая утром?

— Нет. Только после кофе.

— Значит, мне повезло.

— Не уверена.

Камила снова занялась стеной. Через двадцать минут профессиональный азарт действительно вытеснил всё остальное. Под поздней штукатуркой обнаружилась другая кладка. В библиотеке — следы старых дверных проёмов. На чердаке сохранились фрагменты резного карниза, которые кто-то сложил в ящик и забыл на десятилетия. Камила двигалась по дому всё быстрее.

Фотографировала. Записывала. Спорила сама с собой. Иногда звала Алика, чтобы он помог открыть заклинившую дверь или подержал фонарь. Он не вмешивался. И это было неожиданно удобно. Большинство владельцев через полчаса начинали предлагать собственные решения, спрашивали про цвет стен и мечтали «добавить современности».

Алик только наблюдал. На чердаке Камила нашла маленькое окно, заложенное изнутри досками.

— Вот.

— Что?

— Смотрите на фасад. Здесь должно быть окно, но снаружи его почти не видно из-за поздней облицовки.

— И что это даёт?

— Свет.

— Ради этого столько радости?

Камила повернулась к нему.

— Вы покупаете старые дома и спрашиваете, зачем им

свет?

— Я покупаю землю и здания.

— Вот поэтому реставрацией занимаюсь я.

Он улыбнулся.

— Справедливо.

Она присела возле стены и осторожно провела пальцами по старой доске. Под слоем пыли проступила тонкая голубая краска.

— Здесь был другой интерьер, — сказала она скорее себе.

— Совсем другой.

— Красивее?

— Честнее.

— Дом может быть честным?

Камила выпрямилась.

— Дом всегда честный. Люди его портят, перестраивают, прячут следы, но если снять достаточно слоёв, видно, каким он был.

Алик больше не улыбался.

— А с людьми так работает?

Вопрос прозвучал слишком тихо. Камила посмотрела на него. Вот оно. Первая попытка перейти черту, которую она сама поставила в письме.

— С людьми сложнее, — сказала она. — Некоторые слишком хорошо штукатурят.

И пошла к лестнице. Алик догнал её на втором этаже.

— Обедать будете?

— Нет.

— Вы с восьми утра ничего не ели.

— С девяти.

— Существенная разница.

— Откуда вы знаете, ела я или нет?

Он на секунду задержал взгляд.

— Вы приехали с кофе в машине. Пустой стакан остался в держателе. Еды не было.

Камила остановилась.

— Всё ещё наблюдательный?

— Видимо.

— Опасное качество.

— Иногда полезное.

Она хотела отказать. Но желудок предательски напомнил о себе.

— Десять минут.

— Договорились.

На кухне стояли контейнеры из ресторана: салат, рыба, хлеб, овощи.

— Вы готовились? — спросила Камила.

— Я тоже ем.

— Удивительно.

— Есть ещё открытия на сегодня?

— Пока это главное.

Они сели напротив друг друга. На секунду Камила почувствовала почти физическое дежавю. Тот самый первый сто-

лик у моря. Белая тарелка. Мужчина напротив. Тогда между ними не было ничего. Сейчас между ними лежало семь лет. Алик взял хлеб.

— Вчера вы сказали, что дом стоит спасать.

— Я этого не говорила.

— Не словами.

— Не придумывайте за меня.

— Хорошо. Тогда скажите словами.

Камила посмотрела на него.

— Стоит.

— Даже в таком состоянии?

— Именно в таком.

— Почему?

Она немного помолчала.

— Потому что в нём ещё осталось то, что можно вернуть.

Алик опустил глаза к тарелке.

— Понимаю.

Камила почувствовала раздражение.

— Не надо.

— Что?

— Делать из каждой фразы второй смысл.

— Я ничего не делал.

— Тем хуже.

Он усмехнулся.

— Вы всё ещё сердитесь.

— Мы обсуждаем дом.

— Конечно.

— И только дом.

— Как скажете.

Камила отложила вилку.

— Вы действительно собираетесь продолжать это?

— Что именно?

— Делать вид, что семи лет не было.

Алик медленно поднял глаза. В кухне стало тихо. Снаружи где-то хлопнула дверца автомобиля.

— Вы сами попросили профессиональный формат, — сказал он.

— Я попросила не использовать личное в работе. Это не значит, что вы получили индульгенцию на ложь.

— Я не просил индульгенцию.

— Тогда ответьте на один вопрос.

Он ждал.

— Почему вчера вы спросили, знакомы ли мы?

Лицо Алика стало закрытым. Камила сразу увидела: ответа не будет.

— Вот видите, — сказала она.

— Камила...

— Не надо.

Она поднялась.

— Обед окончен.

— Вы всегда уходите, когда не слышите нужного ответа?

Она замерла. Медленно повернулась.

— Нет. Один раз осталась ждать до утра.

Алик побледнел. Совсем немного. Но Камила заметила.

— Больше не повторяю.

Она вышла из кухни. До вечера они почти не разговаривали. Работали на разных этажах. Камила сделала полный первичный обмер, отметила аварийные зоны и составила список специалистов, которых нужно вызвать в ближайшие дни. К пяти часам у неё болела спина, руки были в пыли, а настроение неожиданно стало лучше.

Дом действительно затягивал. Чем больше она видела, тем яснее понимала: под поздними переделками сохранился почти целый первоначальный объём. Такое встречалось редко. Очень редко. Уезжая, Камила задержалась у ворот. Ей хотелось ещё раз посмотреть на фасад.

Алик вышел следом.

— Завтра приедет архитектор? — спросил он.

— Да. В десять.

— Лев Сафонов?

Камила повернула голову.

— Вы и его проверили?

— Я проверяю людей, которых допускаю к своим объектам.

— Удобно.

— Разумно.

— А меня проверяли?

Пауза была едва заметной.

— Да.

Камила почувствовала, как внутри что-то холодеет.

— Когда?

— Перед тем как предложить контракт.

— То есть вы знали, кто приедет.

Алик не ответил. Она сделала шаг к нему.

— Вы знали моё имя.

— Да.

— Видели фотографию на сайте агентства.

— Да.

— И всё равно вчера открыли дверь и спросили, знакомы ли мы.

Алик смотрел спокойно. Слишком спокойно. Камила вдруг поняла, что сегодняшняя глава закончилась не там, где она думала. Не дом заставил её вернуться. Дом лишь дал повод остаться достаточно долго, чтобы увидеть главное. Алик не был застигнут её появлением врасплох.

Он ждал именно её.

— Зачем? — спросила она.

Алик перевёл взгляд на старый дом, потом снова на Камилу.

— Завтра.

Одно слово. То самое. Семь лет назад он уже сказал ей: «Завтра». Камила усмехнулась, но в глазах у неё не было улыбки.

— Нет, Алик. У тебя уже было одно завтра.

Она открыла машину.

— Второго я тебе не обещала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.